

**Возможности и пределы психоаналитического метода в
литературоведении (на примере «Двойника» Ф. М. Достоевского)**

*Дёгтева Ярослава Николаевна
Воронежский государственный университет
аспирант*

Аннотация

В данной статье обозначены возможности и ограничения применения психоанализа как прикладного метода литературоведческого исследования. В качестве иллюстративного материала представлены взгляды психоаналитиков на феномен двойничества вообще и в повести Ф. М. Достоевского «Двойник» в частности, а также критика применения отечественными и зарубежными учёными классического психоаналитического метода в анализе и интерпретации художественных текстов великого русского писателя.

Ключевые слова: методология исследования, психоаналитический метод, литературоведение, Ф. М. Достоевский, двойник.

**Psychoanalytic Method's opportunities and limits in the Study of Literature
(the case of F. M. Dostoevsky's "The Double")**

*Dyogteva Yaroslavna Nikolaevna
Voronezh State University
Postgraduate student*

Abstract

This article describes the opportunities and limits of psychoanalysis as an applied method in the Study of Literature's researches. The views of psychoanalysts on the phenomenon of Duality in general and in the novel "The Double" by Dostoevsky's in particular, as well as criticism the using the classical Psychoanalytic method in the analysis and interpretation of literary texts of the great Russian writer by domestic and foreign scientists presented as an illustrative material.

Keywords: research methodology, psychoanalytic method, study of literature, F. M. Dostoevsky, double.

В художественных произведениях Ф.М.Достоевского изображён самый сложный духовный опыт героев, тончайшие душевные движения, встречаются универсалии, присущие не только русской, но, шире, – европейской литературе, ведущей исток от античности. Например,

раздвоенность героев, восприятие собственного отражения, появление видимого двойника и т.п. [1, 2, 3, 4, 5]¹.

Ещё до 1917 года европейское сообщество проявляло интерес к наследию великого русского писателя, оценив его как гениального художника, но после переломных событий в Российской империи его тексты стали изучать за рубежом с тщательностью, позволяющей находить в них признаки революционности и даже предсказательности [6]. Это неудивительно в силу того, что художественная литература как вид искусства отражает значимые общественные процессы, сохраняет их для потомков в переосмысленном виде. Литература в вышеуказанном смысле – достижение памяти, выражение прошлого опыта.

Прошлый опыт неоднократно становился не только предметом художественного описания, но и объектом исследований. Один из вариантов такой работы представлен в психоанализе. Во взглядах З. Фрейда, создателя психоаналитического метода, ведущая роль отведена личности человека (структуре, в частности) в её развитии [7].

Иными словами, прошлый опыт является одним из объектов приложения психоаналитического метода. Опыт личности может быть как позитивным, так и болезненным, включать неприемлемые или неодобряемые в данном обществе влечения. В случае возникновения негативного опыта или разрушительных переживаний включаются так называемые защитные механизмы. Они рассматриваются не только как способ поддержания психического равновесия, но и как основа творчества.

Так, суть сублимации – одного из защитных механизмов зрелой личности – буквально состоит в «возгонке» деструктивных или недопустимых интенций до социально приемлемой, нередко литературной, деятельности [8].

Таким образом, диалектичность авторской литературы может быть объяснена тем, что текст возникает в процессе преобразования разрушительного импульса отдельной личности в достижение культуры. Именно поэтому художественное произведение как продукт креативного акта, с одной стороны, ориентирует человека в мире, увековечивает непреходящие ценности, обычаи, с другой, – может разрушать некие устои, выражать сомнения в традиционной аксиологии и т.п.

¹ В раннем творчестве писателя [1] переосмыслена романтическая категория двойничества [2], очевидно, представляющая собой рецепцию общеизвестного мифологического сюжета в художественной прозе [3]. Но именно Ф. М. Достоевскому принадлежит то идейное наполнение категории двойника, которое повлияло на развитие этого мотива в мировой литературе [4, 5].

Формальный, моральный и философский аспекты литературы глубоко уходят своими корнями в бессознательное личности, что даёт возможность рассматривать их в традициях психоанализа.

Психоаналитический метод признан мощным инструментом изучения литературных смыслов [9]. Однако неоднократно отмечались некоторые разногласия и проблемы в применении данного метода литературоведческого анализа.

Обращение к истории показывает, что классический психоаналитический метод возник в Европе, в том числе в качестве ответа на отсутствие инструментов анализа условно маргинальных проявлений личности. Ещё в «Исследовании истерии» З. Фрейда наглядна связь психоаналитической концепции и художественного текста: прошлый опыт не измерим, не проверяем, но значим в формировании состояний [10]. В годы оформления психоаналитического метода нередкими были поведенческие нарушения у женщин, выразившиеся в подражании героиням популярных тогда романов. Поэтому неудивительно, что протоколы бесед с пациентками напоминали художественный текст.

Психоанализ связан с литературой как путь понимания личности в онтогенезе: так называемые «case studies» представляют собой рассмотрение конкретных историй, случаев из жизни. При анализе этих «жизненных историй» важен этический аспект, отмечается роль эмоций и состояний, контекстуальные значения слов и событий, что является общим местом психодиагностики и понимания художественного произведения.

Сам З. Фрейд пояснял в «Психопатологии повседневности» (или «Психопатологии обыденной жизни» в другом русскоязычном переводе), что психоаналитический метод приложим ко всем аспектам ментального функционирования личности [11]. Традиционно считается, что он впервые применил психоаналитическую концепцию к литературному тексту при интерпретации мифа об Эдипе, затем – относительно трагедий Шекспира; также значимой для ввода психоаналитического метода в литературоведение является его анализ «Градивы» В. Йенсена [11]. Постепенно психоаналитик распространил свой метод за пределы античного наследия и «узкоевропейского» контекста: «Достоевский и отцеубийство» при всей противоречивости до сих пор является программным текстом как для психологов, так и для филологов. З. Фрейд в основном свёл исследование творчества русского писателя к выявлению релевантных анализу его личности и прошлого опыта мотивов и комплексов в тексте, обошёл проблемы самого художественного творчества, но по достоинству оценил талант литератора [11].

Нередко психоаналитическая трактовка произведения опирается на биографический материал. Интерпретация в терминах жизни автора имеет свои основания и может применяться в отдельных случаях. Отмечалось, что в некоторых произведениях личный опыт Ф. М. Достоевского коррелирует с сюжетной линией [12, 13, 14]. В жизни писателя был опыт пребывания на

эшафоте², подобное событие, но уже наблюдаемое князем Мышкиным со стороны было приведено в романе «Идиот»: «Этот человек был раз взведён, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстреливанием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрёт» [15, с. 51].

Однако лучший источник знаний о тексте – сам текст. Излишняя опора на биографический материал не только наносит ущерб интерпретации произведения, но и приводит к недооценке другого пути – извлечения значений из самого текста. В последнем случае биографические данные также могут использоваться, но в другой функции: как «background» исследования.

Итак, в литературоведческом психоаналитическом исследовании может быть, как минимум, два объекта: личность автора (диагностика по продуктам деятельности, «препарирование» творческого процесса); художественное произведение – текст (поиск и интерпретация смыслов).

Если психотерапевта скорее интересует первый из упомянутых объектов, то филолога – второй. Художественные произведения для психоаналитика-консультанта суть выражение неосознаваемого смысла. А литературоведа-интерпретатора интересуют, в первую очередь, сами авторские тексты.

Таким образом, в работе с идентичными объектами трактовка филолога шире, так как учитывает как явный, так и скрытый контент.

Сейчас основная задача литературоведа психоаналитической направленности – анализ и интерпретация конкретного произведения, а не понимание творческого процесса вообще и литературного процесса в частности.

Естественно, нельзя полностью отождествлять две разновидности психоаналитического метода: метод, используемый в психотерапии, и метод, применяемый к литературному произведению, имеют различные цели и осуществляются по-разному.

В психотерапии он необходим в основном для работы с патологией личности, а в литературоведении – с продуктом креативного мышления.

Кроме того, отношения «психотерапевт-пациент (клиент)» и «филолог-текст» сложно соизмеримы по модальности и функционированию. Основная

² Исследователи неоднократно отмечали художественную ценность биографического эпизода в романе «Идиот». Например, «Свой романский смысл имеют рассказы князя Мышкина о казнях»; «Достоевский был ещё в Петропавловской крепости, 22 декабря стоял на Семёновском плацу в ожидании смертной казни» [14, с. 63, Там же, с. 176].

цель психоаналитика-консультанта – помочь обратившемуся к нему человеку справиться с последствиями вытеснения переживаний и т.п.; анализ и интерпретация не являются самоцелью, они лишь представляют собой способы работы с прошлым опытом, в то время как в исследовательской практике основной упор делается на понимание произведения, обнаружение смыслов.

Личность пациента в работе изменяется (поэтому, собственно, психоанализ и является динамическим направлением), в то время как текст художественного произведения зафиксирован в относительно неизменном виде. В психотерапии важно личное взаимодействие терапевта и клиента, оно даёт пространство для применения методов наблюдения, беседы, свободных ассоциаций и возникновения специфических процессов (например, трансфера). Естественно, в анализе художественного текста не используются свободные ассоциации в их классическом понимании, а герои произведений не относятся к филологу как к отцу или брату.

Хотя не представляется возможным отождествлять ситуации клинической беседы (сбора анамнеза, консультирования) и «профессионального» чтения, именно в этой сфере есть очевидная связь двух разновидностей метода. Одна из основных задач в работе психоаналитика – перевод архаичного, фрагментарного языка фантазий, оговорок, симптомов на понятный язык осознанной речи с учётом контекста. Здесь важна амбивалентность слов, именно в её понимании чаще всего и заключён скрытый смысл, благодаря её существованию возможен анализ опыта личности. Слова – место пересечения сознания и бессознательного, на котором «встречаются» психоаналитик и филолог. Язык – вместилище воспоминаний, опыта, смыслов, а художественная литература, условно говоря, бытует как их вербализация.

В психоанализе как прикладной сфере знания важна личность исследователя. Интерпретаторы не только должны владеть тезаурусом автора для адекватного понимания языка произведения, но и контролировать собственные фантазии и ассоциации во избежание их трансляции в понимание текста.

Учёному или критику требуется отслеживать универсальные реалии, которые могут вызвать конкретные образы и эмоции, и через анализ субъективного отклика находить скрытые величины текста, те смыслы, которые там действительно присутствуют, но могут не отмечаться ни автором, ни неподготовленным читателем [9].

Несмотря на все перечисленные особенности реализации метода, его применение в литературоведении не означает упрощения восприятия произведений, наоборот, обогащает методологический аппарат науки.

Психоанализ не пропагандирует редукционизм, не сводит всё исключительно к движению энергии Либидо, Эдипову комплексу или конкуренции сиблингов. Поэтому в «не вульгарном» исследовании учитывается многообразие интерпретаций, осознаваемое и неосознаваемое

содержание. Фрейдизм не унижает творца и его детище, но позволяет расширить сферу понимания текста.

Литературоведение как научная область вступает в диалог с различными сферами знания, например, психологией, культурологией, исторической наукой, философией. Поэтому филологу важно заботиться о повышении квалификации и приобретении компетенций в смежных специальностях. Это распространяется и на исследователей творчества Ф. М. Достоевского.

В резервах психоанализа есть множество способов понимания, анализа и интерпретации разнообразных проявлений индивидуальной и коллективной личности, описаниями которых изобилуют его произведения. Психоанализ также даёт инструменты для работы с продуктами деятельности людей, переживших психотравмы. В жизни писателя был болезненный опыт – травматические ситуации, связанные с потерей близких людей, пребыванием на каторге, в течение жизни он испытывал сложности в коммуникации с ровесниками, страдал от припадков, играл в азартные игры, терпел нужду (как уже отмечалось, подобные ситуации можно обнаружить и в его творчестве) [11]. Человек в произведениях Ф. М. Достоевского нередко находится в конфликте с собой и (или) окружающей действительностью – вспомним, хотя бы Раскольникова, Рогожина, Терентьева, – что, согласно основным положениям психоанализа, представляется вполне естественным для функционирования личности³.

Неоднократно отмечалась такая особенность творчества Ф. М. Достоевского, как разработка идеи двойника, «раздвоения» героя (вплоть до возникновения в видимой и вполне реально воспринимаемой копии), впервые проявившаяся в повести «Двойник» в рамках социально-психологической проблематики [14, 16, 17, 18].

Фрейдизм эффективен как прикладной метод анализа двойничества в широком смысле слова. В психоаналитической традиции его появление связывалось с феноменом нарциссизма, подчеркивалась бессознательная природа, детерминирующая симультанную комплементарность и противоположность двойника «оригиналу» [11]. Дальнейшее развитие этих взглядов привело к пониманию двойника как «дубля», который может репрезентировать некоторые аспекты личности «оригинала» или же тех людей, которые явились фигурами нарциссической привязанности человека, при этом отношения с двойником неустойчивы. Например, любовь может перейти в ненависть или отвращение [19]. Нельзя не упомянуть идею Ж. Лакана о стадии зеркала. Применительно к художественной прозе

³ «Он строит свои произведения и развёртывает в них переживания и, главным образом, конфликты своей сложной личности, которая во внутренней борьбе расщепляется на два или более динамических центра, участвующих в произведении как организованные образования» [16, с. 145].

Ф. М. Достоевского эта идея тесно сопряжена не только с проблемой самоидентификации, но и феноменом видимого двойника и зрительного самовосприятия; отражение является в определённом смысле визуализированным двойником человека, даёт возможность увидеть себя со стороны, «чужим взглядом» [20, 21].

Психоаналитики занимались исследованием и описанием феномена двойничества и вообще, и в творчестве Ф. М. Достоевского в частности. Однако не все исследователи пытались адаптировать психоаналитический метод к культурно-историческому контексту соответствующих литературных произведений.

Так, психопатологический анализ повести «Двойник» позволил Н. Е. Осипову построить картину «психиатрической правды» двойничества. У главного героя явные нарушения здоровья, появление Голядкина-младшего – один из симптомов психического расстройства, проявляющийся то как галлюцинация, то – бредовая идентификация. Оригинал является параноиком, страдающим бредом величия и преследования, в связи с последним отмечается бред значения (толкования). При этом паранойяльное расстройство – сочетанное с иллюзиями, слуховыми галлюцинациями и персеверациями. О паранойяльном характере Голядкина-старшего свидетельствуют проявления его личности: подозрительность, недоверчивость, скрытность, отклоняющийся юмор и др. Безусловная важность психической реальности для Якова Петровича также выдаёт в нём нездорового человека [22].

И. Нейфельд в работе «Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда» связывает феномен двойника с чувством унижения страдающего манией преследования параноика. Оригинал – инфантильный больной человек с нерешёнными проблемами в эротической сфере, а двойник – его совесть, спроецированная из психической реальности в окружающую [23].

Можно согласиться далеко не со всеми положениями подобного анализа. По мнению Л. Колберга, использование психоаналитического метода может вдохнуть новую жизнь в старые мифы и литературные формы, однако этот метод в своём применении чреват крайностями; их избегание особенно важно в анализе творчества Ф. М. Достоевского. Например, некоторые исследователи рассматривают его героев как реальные личности, но у писателя своя уникальная идеология и даже система двойников. Сначала необходимо диагностировать эти особенности, а уже потом рассматривать литературные смыслы [24].

Л. Колберг обосновывает несостоятельность классического психоаналитического метода как раз применительно к «Двойнику» Ф. М. Достоевского. Двойничество в творчестве писателя не согласуется с паранойяльным отклонением, а также не отвечает базовым объяснениям классического психоанализа. Учёный приводит в качестве основного аргумента то, что у писателя галлюцинаторные и полугаллюцинаторные копии преследуют оригинал и при этом заявляют ему об их идентичности;

оригиналу в какой-то степени известно о том, что двойники – отрицаемые или просто «другие» его самости. Поэтому в реализме Ф. М. Достоевского, по мнению Л. Колберга, скорее отражён аутоскопический синдром [Ibid.].

Иначе говоря, если не учитывать особенности сочетанных нарушений, перенесённых в художественную реальность, а подводить их в соответствии со стандартными приёмами к реальным медицинским диагнозам, можно прийти к упрощению понимания художественной логики. А это в корне меняет интерпретацию и даже классификацию двойников.

Справедливость подобной критики подтверждается пересмотром идей о феномене двойничества в процессе эволюция психоанализа. Так, в поздней работе О. Ранка (автора пионерского исследования о двойнике) «Beyond Psychology» двойник рассматривается как бессмертное Я. Заметно, что в воззрениях учёного появилась идеологическая компонента: все идеи в итоге вытекают из одной базовой – о бессмертии души. И двойник не исключение, поэтому он нередко появляется после чьей-либо смерти. Например, в упомянутой книге описан случай миссис А., где копия – субститут потери близкого человека [25].

В медицинской практике наблюдается нечто похожее: патологические случаи двойничества сопровождаются деперсонализацией, умножением личности или даже навязчивой идеей о симбиотической связи с неким похожим на человека субъектом. Эта проблема активно разрабатывается в психиатрии и клинической психологии. Ж. Капгра со своим коллегой выявил и описал так называемую «иллюзию двойников»; описанные ими нарушения в дальнейшем получили развитие в официальной науке. Синдром Капгра (бред отрицательного двойника) в основном встречается в двух разновидностях: аутоскопический синдром (больной видит двойника, чаще всего это он сам, а не кто-то из окружающих) и собственно синдром Капгра (больной не видит своего двойника). Этот синдром часто носит сочетанный с другими отклонениями (шизофрения различной этиологии, эпилепсия, неврозы) характер, поэтому нередко рассматривается как симптом комплексного нарушения [26].

Таким образом, Л. Колберг в своей работе не опирался на положения психоанализа, а скорее, реализовал междисциплинарный подход к исследованию творчества Ф. М. Достоевского: использовал не только литературоведческие, но и медицинские данные; но очевидно, что к подобным выводам можно прийти и в результате применения методов неклассического психоанализа. В любом случае нельзя сводить анализ творчества Ф. М. Достоевского к простому разложению текста по комплексам или постановке диагнозов героям по врачебному алгоритму.

В России психоанализ литературного творчества начал применяться ещё в начале XX века, когда западные фрейдисты не мыслили его вне литературы, к которой обращались в поисках аргументов в пользу своих гипотез. З. Фрейд сам говорил о том, что пионерами на территории бессознательного были писатели и философы, а он открыл исследовательский метод, позволяющий изучить бессознательное [9].

Следовательно, приоритетными в литературе являются смыслы, непосредственно содержащиеся в художественном произведении, а психоаналитический метод должен применяться как орудие для их извлечения.

Иными словами, следует воздержаться от попыток принудительно подводить конкретные ситуации под психоаналитические понятия, сексуализировать всё имеющее малейшие аллюзии к данной теме и т.п., то есть от того, что неизбежно искажает роль и место отдельно взятого фрагмента в системе произведения.

В исследовательском процессе важно сохранять целостное восприятие текста, находиться в той ценностно-ориентационной системе, которую заложил автор, не ставить познавательную-информационную функцию художественной литературы выше эстетической. К тому же, изучая творчество Ф. М. Достоевского, необходимо учитывать, что он использовал преимущественно философско-антропологический метод работы, что задаёт точку отсчёта – человека и особенности его познания [27].

В каждом тексте писателя содержится какая-то конкретная идея, и нередко для её выражения в сюжет вводятся двойники [28]. То есть удвоения героев важны не сами по себе, но как субституты идей.

Д. И. Чижевский отмечал роль двойника в жизни человека. По его мнению, этот феномен связан с проблемой устойчивости этического бытия, отличающей человеческое бытие от всякого другого бывания. Само появление двойника ставит вопрос о реальности существования этического индивидуума [29].

Независимо от выбора методологии исследования, первичное знакомство с идеей произведения, его доминантой, происходит посредством осмысления заглавия. Повесть «Двойник» сам автор именовал петербургской поэмой⁴, что также отсылает к традициям петербургского текста; название и подзаголовки апеллируют к романтической традиции в мировой и русской литературе.

Итак, сюжет произведения с одной стороны, вписан в социальные координаты петербургского текста, с другой – представляет собой исследование бытия одинокого человека, попытавшегося нарушить вертикаль отношений и попавшего в чужой для него мир.

Диссоциация личности описывается на фоне Петербурга, города торжества бюрократической иерархии, требующей соблюдения субординации и подчинения соответствующим законам от любого, кто включился в систему. В подобном строе нет места индивидуальности, что

⁴ В более поздней редакции 1866 г. «вместо “Приключения господина Голядкина” во второй редакции повесть получила подзаголовок “Петербургская поэма”» [1, с. 486].

обостряет онтологические проблемы, и уже отсюда – частый в петербургском тексте мотив раздвоения личности, двойничества.

Яков Петрович не может ни противостоять средовым воздействиям, ни адаптироваться к ним, хочет «совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» [1, с. 139]. Герой испытывает онтологический кризис, склоняется к небытию, вследствие чего возникает раздвоение – появляются адаптированный и включённый в процесс Голядкин и Голядкин отвергнутый, в душевном смятении наблюдающий за «собой успешным» со стороны.

Появление Голядкина-младшего важно не столько как описание болезни или проявления петербургского хаоса в человеке, сколько в качестве репрезентации экзистенциальных основ существования человека понимающего, но старающегося отрешиться от осознания конфликта с внешней действительностью за счёт распада собственной личности.

С психоаналитической позиции представляется очевидным, что основные темы акцентируются, закрепляются в языке произведения – частотностью или другим способом.

Слово «двойник» имеет сильную позицию, несмотря на то, что не является частотным для данного текста, встречается всего три раза:

1) «ДВОЙНИК» (название) [Там же, с. 109];

2) «Ночной приятель его был не кто иной, как он сам, – сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, – одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях» [Там же, с. 143];

3) «Тут Крестьян Иванович с одной стороны, а с другой – Андрей Филиппович взяли под руки господина Голядкина и стали сажать в карету; двойник же, по подленькому обыкновению своему, подсаживал сзади» [Там же, с. 229].

Малая частота встречаемости этого слова может быть обусловлена не только особой ролью в повести, но и культурно-историческими факторами. В. В. Виноградов обращает внимание на то, что лексема «двойник» укрепилась в русском литературном языке под влиянием романтизма лишь в двадцатые годы XIX века. Например, А. Погорельского, озаглавившего сборник повестей как «Двойник, или мои вечера в Малороссии» (1828), Ор. Сомов раскритиковал за использование выдуманного или тщательно подобранного слова и предложил заменить его более привычным для тезауруса той эпохи – «стенъ» [30]. Стенъ в то время истолковывали не только подобие человека, появляющегося при видении, двойник (в словаре В. И. Даля приводится поверье: кто свою стенъ увидит, скоро помрёт), но и образ человека в зеркале, мистические явления, связанные с отражением в зеркале при гадании [31].

В «Словаре языка Достоевского» единица «двойник» приводится в двух значениях:

1) кто-либо воображаемый, имеющий полное внешнее сходство с кем-либо другим;

2) о ком-либо, чём-либо, имеющем большую степень сходства с кем-, чем-либо другим [32].

В повести Голядкины называются двойниками, оригиналом и копией, лицами, имеющими родство, – близнецами (в том числе сиаемскими); происходит обращение к непосредственному опыту Голядкина-старшего, связанному с восприятием собственного отражения: «В дверях, которые герой наш принимал доселе за зеркало, как некогда тоже случилось с ним, появился он...» [1, с. 216].

Коллега Якова Петровича приравнивает «близнеца» к стени рассказом истории из жизни: «... то же самое случилось с моей тётушкой с матерней стороны; она тоже перед смертью себя вдвойне видела...» [Там же, с. 149].

Таким образом, значений единицы «двойник» в тезаурусе писателя больше таковых у «стени», «двойника» в речевой практике и словарных статьях; двойничество как явление негативно оценивается действующими лицами⁵.

Качественный анализ не только показывает смысловое наполнение того или иного элемента текста, но и углубляет его понимание, помогает сформировать представления о границах опыта героев и особенностях их мировосприятия.

Амбивалентность, многозначность языка повествования открывает возможности психоаналитической трактовки двойника в конкретном художественном тексте: позволяет исследователю выбрать путь понимания личности в этическом пространстве повести.

Иными словами, путём обращения к языку произведения, выявления смыслов непосредственно из текста (а не внесения их в текст) можно избежать того «вторжения психоанализа» в литературоведение, от которого предостерегал видный исследователь творчества Ф. М. Достоевского А. Л. Бём. Учёный имел в виду перенесение признаков реальных людей на героев книг и, наоборот, пренебрежение спецификой литературного произведения, переоценку роли эротического комплекса и другие признаки использования литературного материала в смежных гуманитарных отраслях знания, выдаваемых за литературоведческий анализ [33].

⁵ Показательны в этом плане реакции слуги и извозчиков на раздвоение титулярного советника как на маркер неэтичного, бесчестного поведения, отступничества от правил общежития: «А добрые люди живут по честности, добрые люди без фальши живут и по двое никогда не бывают...», «их по двое никогда не бывает, бога и честных людей не обижают...»; «извозчики никак не соглашались везти господина Голядкина: “дескать, барин, нельзя везти двух совершенно подобных; дескать, ваше благородие, хороший человек норовит жить по честности, а не как-нибудь, и вдвойне никогда не бывает”» [1, с. 180, Там же, с. 186].

Обобщая сказанное, можно выделить конкретные возможности и границы применения психоаналитического метода в исследовании литературы и творчества Ф. М. Достоевского в особенности.

Психоаналитический метод дарит новую жизнь литературе XIX века, позволяя в особом ключе раскрыть диалектичность и диалогичность произведений Ф. М. Достоевского. Такой взгляд помогает обнаружить не только явные, но и скрытые смыслы, обратить внимание на повторяющиеся или акцентированные мотивы в текстах, способы выражения идей писателя и т.д.

Кроме того, за счёт использования ресурсов психоанализа возможно прогнозировать воздействие конкретных элементов, образов на читателя, что делает реальным практический выход метода интерпретации – консультативную практику в рамках арт-терапии (библиотерапии).

В качестве пределов метода в основном выступают те трудности, которые напрямую обусловлены природой самого психоаналитического учения. К примеру, весьма проблематичной представляется диагностика специфики текста, поскольку почти невозможно отчетливо контролировать перенос элементов теории или окружающей исследователя действительности в художественную реальность, с учетом её особенностей и внутренней целостности.

Немаловажно и другое. Суть психоаналитического метода состоит в переводе имплицитных смыслов в эксплицитные, но тексты могут быть уже цензурированы, адаптированы для современного читателя, следовательно, вероятна потеря части смыслов, девальвации полисемии и амбивалентности художественного языка, а то и их искажение.

Естественно, немаловажную роль при этом могут играть личность и позиция интерпретатора (перенос, информационные лакуны и слепые пятна).

В полифонических романах Ф. М. Достоевского каждый читатель выбирает близкий ему голос, находит что-то своё, но для филолога важны объективные и измеримые величины, он должен отказаться от включённого наблюдения в пользу беспристрастного наблюдения «со стороны».

Ещё одна особенность реализации психоаналитического метода применительно к произведениям Ф. М. Достоевского может выступать и как ограничение, и как возможность: многообразие интерпретаций и исследование символов.

С одной стороны, это соответствует идее о многомерности творческой биографии Ф. М. Достоевского (публицистическая деятельность, интерес к философии, религии и т.д.), с другой – может привести к рассогласованию явного и скрытого контента, уходу от художественной реальности, заданной писателем. Излишняя опора на биографический материал нередко приводит к ложному детерминизму: переоценивается влияние условий жизни автора на форму и содержание его творчества.

В анализе символики важным представляется рефлексивный фактор, учёт культурно-исторических особенностей, как времени создания произведения, так и времени работы над ним филолога; эта «призма культуры» также может исказить смысл текста.

Произведения Ф. М. Достоевского не только предшествовали возникновению психоанализа, но и легли в основу некоторых представлений об особенностях развития личности и её функционирования в обществе; использование психоаналитического метода в литературоведении вполне целесообразно и оправданно, однако требует от филолога не только специальной теоретической и практической подготовки, но и самодисциплины, которая предполагает, прежде всего, осторожность в реализации подхода и умение соблюдать границы его применения.

Библиографический список

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы. 1846-1847 . 1972 . 517 с.
2. Криницын А. Б. Творчество Достоевского в контексте европейской литературы // Образовательный портал «Слово», 2010. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42345.php> (дата обращения: 16.05.2015).
3. Овидий Публий Назон Метаморфозы / Пер. с лат. С. Шервинского; Вступ. ст. С. Ошерова; Прим. Ф. Петровского . М. : Художественная литература, 1977 . С. 90–94.
4. Кравцов Н. И. Творчество Достоевского в зарубежных славянских литературах // Достоевский в зарубежных литературах : сб. статей. Л. : Наука, 1978 . С. 61–81.
5. Фридлиндер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. // Достоевский в зарубежных литературах : сб. статей. Л. : Наука, 1978 . С. 117–175.
6. Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm Jones / ed. Sarah Young and Lesley Milne. Ilkeston: Bramcote Press, 2006. pp. xiii–xx.
7. Фрейд З. Собрание сочинений: в 26 т.. Т. 1: Зигмунд Фрейд, Йозеф Брейер. Исследования истерии. СПб : ВЕИП, 2005. 464 с.
8. Фрейд З. Избранное. М.: Моск. рабочий : Вся Москва, 1990 . [Кн. 2]: Неудовлетворенность культурой : аналитическое повествование . 176 с.
9. Dalton Elizabeth Unconscious Structure in The Idiot. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1979. 237 p.
10. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. СПб. : Алетейя, 1997 . 191 с.
11. Фрейд З. Художник и фантазирование. М. : Республика, 1995 . 400 с.
12. Померанц Г. С. Открытость бездне; Встречи с Достоевским / под ред. Н.С. Лаврентьева . М. : Советский писатель, 1990. 384с.
13. Мочульский К. В. Достоевский : жизнь и творчество. Париж : Умса-press, 1980 . 564 с.
14. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985 . 209 с.
15. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука,

- Ленингр. отд-ние. Т. 8: Идиот : роман в 4 ч. 1973 . 509 с.
16. Ермаков И. Д. Психоанализ у Достоевского // Российский психоаналитический вестник. М., 1994. № 3–4. С. 145–154.
 17. Чижевский Д. И. К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. Сборник статей под ред. А. Л. Бёма . М. : Русский путь, 2007. С. 54–74.
 18. Лахманн Р. Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков. СПб : Петрополис, 2011 . 400 с.
 19. Ранк О. Миф о рождении героя. М.; Киев : Рефл-бук : Ваклер, 1997. 249 с.
 20. Лакан Ж. Семинары : (1954/1955) / в ред. Ж.- А. Миллера . М. : Гнозис, Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа, 1999. 520 с.
 21. Дёгтева Я. Н. О феномене чужого взгляда в творчестве Ф. М. Достоевского: зрительное самовосприятие // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2016. №3. С. 28–31.
 22. Осипов Н. Е. «Двойник. Петербургская поэма» Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра) // О Достоевском. Сборник статей под ред. А. Л. Бёма . М. : Русский путь, 2007. С. 74–91.
 23. Нейфельд И. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда. Л. М. : Изд-во «Петроград», 1925. 96 с.
 24. Kohlberg L. Psychological Analysis and Literary Form: A Study of the Doubles in Dostoevsky // Daedalus : Perspectives on the Novel . Vol. 92, №. 2. 1963. Cambridge : The MIT Press . pp. 345–362.
 25. Rank O. Beyond Psychology. NY : Dover Publications, 2011. 304 p.
 26. Ramachandran V., Blakeslee S. Phantoms in the Brain : Probing the Mysteries of the Human. NY : HarperCollins Publishers Inc., 1999. 328 p.
 27. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев . М. : Захаров, 2001. 171с.
 28. Ермакова М. Я. «Двойничество» в «Бесах» // Достоевский: материалы и исследования . Т. 2 . Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976 . С. 113–119.
 29. Чижевский Д. И. О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории) // Научные труды русского народного университета в Праге. Т. 1. Прага, 1928. С. 15–29.
 30. Виноградов В. В. История слов : около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных. Москва, 1999 . 1138 с.
 31. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т.. М. : Рус. яз. Медиа . Т.1: А-З . 2006 . 699 с.
 32. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Главный редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов / Авторы-составители словарных статей: Е. Л. Гинзбург, М. М. Коробова, И. В. Ружицкий, Е. А. Цыб, С. Н. Шепелева . М. : Азбуковник, 2001. 442 с.
 33. Бём А. Л. Исследования. Письма о литературе. М : Яз. слав. культуры, 2001. 447 с.